

Р
1С 18

КАМЧАТКА

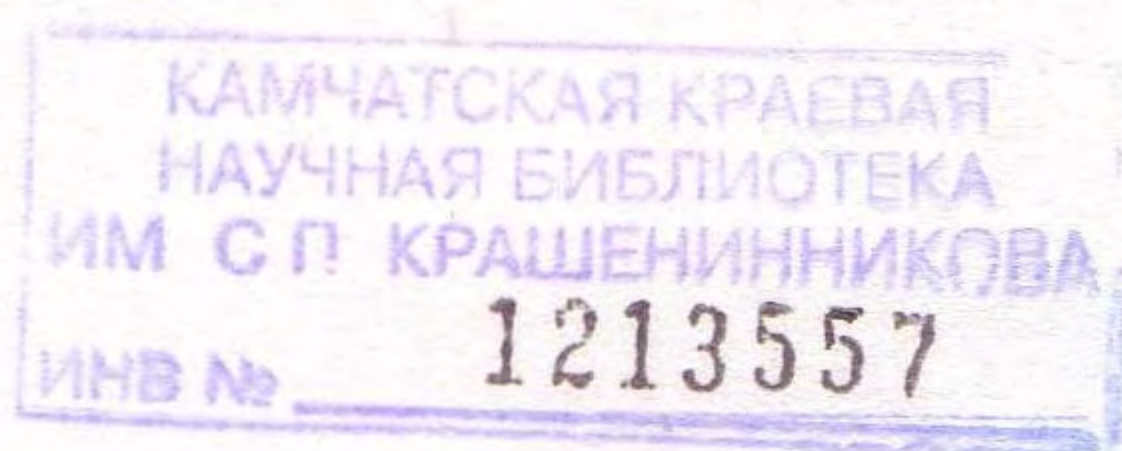
Литература • Краеведение

2015

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2015

ББК 84 (2Рос-рус)6
К18

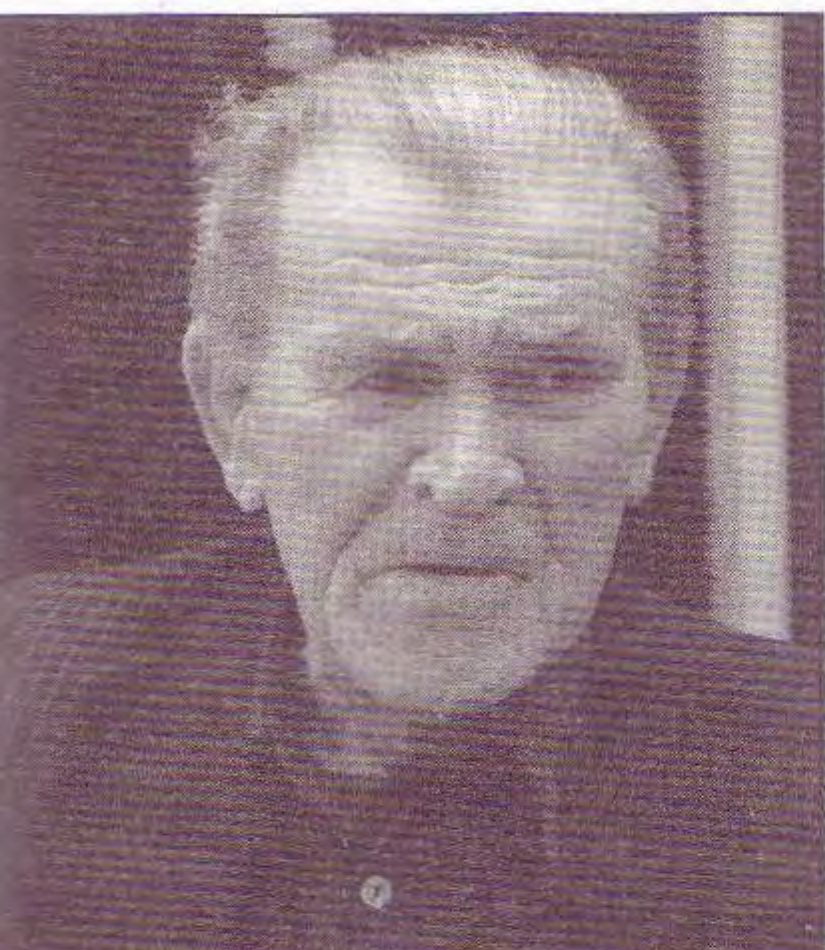
Составитель и редактор А. А. Смышляев

На обложке фото А. А. Смышляева
«Воинские знамёна на параде Победы в Петропавловске-Камчатском»

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Камчатского края,
Холдинговой компании «Новая книга»
и Камчатского отделения Союза писателей России

ISBN 978-5-87750-310-6

© Министерство культуры
Камчатского края, 2015
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2015,
дизайн, верстка
© Авторы, 2015

Евгений КОПТЕВ

ПЛЕЧО ДРУГА

Повесть

1.

Тот памятный бой лично для него распадается на отдельные эпизоды, и сколько потом Семен Верхушев ни пытался нарисовать в уме общую картину, ничего из этого не выходило: вдруг перед мысленным взором вставало перекошенное смертельным страхом лицо немецкого минометчика или участок заросшего поля, испятнанного оспинами взрывов; в ушах слышался треск старого плетня, когда танк врывался на минометную батарею. Но, пожалуй, наиболее отчетливо запомнился одинокий кустик, стоящий на пригорке. Вокруг него в бешеном танце метались взрывы, проносились огненные снаряды, а он, совершенно беззащитный перед лавиной свинца и стали, как бы с удивлением смотрел на происходящее безумство.

Зато вечер накануне боя в памяти отложился хорошо. На исходные позиции танковый батальон вышел уже после захода солнца. На чистом небе неуверенно мигала первая звезда, а на западном небосклоне еще дотлевала полоска зари, освещающая окрестности зеленоватым призрачным светом, как бывает при вспышках ракет. Все это предстало перед Семеном, едва он, заглушив двигатель, откинул во-

дательский люк и тяжело спрыгнул в густую высокую траву. «Вымахала-то без косарей», — отметил машинально. А потом услышал тишину лесной опушки. После дневной духоты в тесноте тряского танка окружающий мир казался ему необыкновенно просторным и духовитым, и, охваченный этим простором, Верхушев несколько минут стоял неподвижно, жадно вдыхая густеющую прохладу. К запаху донника примешивалась легкая горечь полыни, дурманивший аромат чабреца.

Хотелось зарыться лицом в траву, прижать к земле натруженное тело и бесконечно долго вдыхать эти волнующие запахи.

Он выбрал место поудобнее, лег навзничь, ощущая спиною теплоту земли. Нагретая солнцем, она ничуть не походила на злую землю осенних дорог, размытую дождями и разбитую техникой. Эта ласковая и большая колыбель тихо качала Верхушева. По руке проворно побежала букашка, но не хотелось шевельнуться, чтобы смахнуть непрошеную гостью. На минуту показалось даже, что сейчас он вовсе не на фронте и что это не ему на рассвете идти в атаку. Семен вдруг увидел себя возле трактора, ожидающего сменщика Виктора Кленова... «Эх, Виктор, Виктор, сплеховал, не уберется», — подумал Верхушев. Мать писала, что Кленов во время зимнего наступления сгорел в своем танке под Кантемировкой... Отыскал в кармане папиросы, закурил и с наслаждением затянулся. И война напомнила о себе голосом командира танка.

— Эй, курец! — крикнул Павел Паршин. — Забыл, где находишься? Так немец быстро миной накроет!

— Брось, командир, паниковать, — лениво отозвался Верхушев. — Трава в рост человека — ни одна не заметит. — Однако папиросу прикрыл ладонью.

— Окапываться будем? — поинтересовался башенный Дмитрий Юрков.

— У тебя, видно, голова перегрелась? — хохотнул радист-пулеметчик Иван Гончаренко. — На три часа, по-твоему, окапываться?

— Говорят, здесь немцы «тигра» припасли, — сказал Юрков и неопределенно кивнул на запад.

— А хрен с ними, — отмахнулся Верхушев. — Пусть хоть львов пускают! — И пообещал:

– Вот подожди, завтра врежем – брызги от них полетят!

– Герой, – бросил Юрков. – В сорок первом некоторые тоже грозились немцев шапками закидать.

– Теперь не сорок первый... – сказал Верхушев. – Старшину нашего где-то черт носит, с утра не жравши, а он, дубина, с ужином опаздывает.

– Давайте чайку соорудим, – предложил Гончаренко. – На солярке быстро.

– Вот-вот, – усмехнулся Верхушев, – чаю как раз и не хватает: курум в рукав, какой там, к дьяволу, костер!

– Можно НЗ потревожить, – сказал Юрков.

– Паршин не разрешит, служака, – вздохнул Гончаренко.

– Брось, командир – парень справедливый, – сказал Верхушев. – Ишь, земляка под крылышко берет. Вы с ним односельчане?

– Нет, Пашка из соседнего села, – сказал Верхушев.

– Братцы, начальство! – Юрков понизил голос. – Сам батя костыляет! – Тяжело припадая на правую ногу, из глубины леса вышел командир бригады подполковник Росляков.

– Где ваш командир машины? – спросил он простуженным голосом и посмотрел на Семена. Верхушев растерянно оглянулся.

– Комбат, где твои люди? – повысил голос Росляков. – Вы на передовой или в доме отдыха прохлаждаетесь?

– Я никого не отпускал. – Комбат Шариков взглянул на ротного Шорникова. – Они где-то здесь, товарищ подполковник. Разрешите за ними послать?

– Да вон они, – Юрков показал на опушку, где маячили три фигуры.

– Стратеги, завтрашний бой обсуждают, – процедил подполковник. – Ко мне, быстро! – крикнул он. Высоко поднимая ноги, первым бежал Паршин. Юрков прыснул, но, встретив неодобрительный взгляд комбата, постарался придать своему лицу безразличное выражение.

– Товарищ подполковник, – начал было докладывать Паршин.

– Вы почему не окапываетесь, младший лейтенант? Людей накормили – нет! Окопались – нет!

- Мы, товарищ подполковник...
- Я русским языком спрашиваю – почему не готовились к бою?
- Мы думали, завтра атака.
- Они думали! Прекратить болтовню! Немедленно приступайте к отрытию окопов. Комбат, с такой дисциплиной на Берлин думаете идти?
- Слушаю, товарищ подполковник.
- Людей распустил – теперь слушает, – сказал комбриг. И танкистам: – Ужина сегодня не будет, товарищи, проклятый «мессер» кухню накрыл. Что, Верхушев, вздыхаешь? – улыбнулся подполковник.
- Несподручно без горячего, – сказал Семен. – Но будьте уверены, мы завтра фрицам подсыплем горяченького.
- Коль так считаешь – значит, бой выиграем! – сказал Росляков.
- Мы все так думаем – пора с войной управляться, вон, поля пустуют, – сказал Верхушев. – Посмотришь – душа болит!
- Это верно, поля одичали, – кивнул подполковник, – хлеборобских рук ждут. Ничего, придет время – такие урожаи будем выращивать – загляденье. Комбат, выдай людям НЗ. Поужинаете и позавтракаете, а на обед что-нибудь придумаем, – сказал Росляков и пошел к другим машинам. – Отставить рыть окопы! – крикнул он. – Экипажам ужинать и немедленно отдыхать!
- Порядочек, – Юрков от удовольствия потер руки, – тушеночка и спирт. Давайте, братцы, пошевеливайтесь! – суетился башенный.
- Переживает батя, – заметил Верхушев.
- С чего бы, поди, не первый наш бой? – сказал Гончаренко.
- У нас с тобой только жратва на уме, а ему за всю бригаду думать надо, к тому же – половина желторотых. Завтра, пожалуй, жарковато придется.

Верхушеву показалось, что спал он совсем мало. Едва опустил тяжелую голову на промасленный ватник, протяжная команда «По машинам!» ворвалось в его чуткий сон. Семен вскочил, бросил в люк ватник. Одна за другой тишину рассветного неба вспороли две зеленые ракеты – сигнал к атаке.

Глухо урча, машина подминала траву, обильно покрытую ро-

сой. «С косой бы здесь погулять», – тоскливо подумал Верхушев, пока начавшийся бой не поглотил его внимания.

Вперед вырвался танк Пронина. «И куда вас черти несут, – отметил Верхушев, – первым должен я идти!» Покачиваясь на неровностях, пронинская машина, казалось, хоботом орудийного ствола вынюхивает добычу. На мгновение замедлила ход, из ствола вырвался красный язык выстрела, машина рванулась было снова вперед и тут же, словно споткнувшись, застыла на месте, из всех щелей пополз дым. Вначале жидкими струйками, потом, все больше густея, он кутал машину черным покрывалом. «Испеклись ребятки, – подумал Верхушев, и от мысли, что он мог бы оказаться на их месте, по телу прошел неприятный озноб, и, чтобы заглушить в себе этот минутный страх, повторял, точно заклинание: «Ах вы, гады! Ах вы, гады! Уж я вам так просто не дамся, сволочи!» До боли в скулах Верхушев сжал зубы. Минуя подбитый танк, видел, как откинулись люки и ребята выбрались наружу. Поддерживая Пронина под руки, пошли назад, к лесу. Тут же раздался сильный взрыв. «Нам готовился!» На мгновение Верхушев ощутил нечто похожее на радость, что взорвался не его танк.

Миновало заросшее бурьяном неширокое поле, пересекли замуравленный грейдер. Немцы стрельбу прекратили. Вероятно, благоразумно решили раньше времени не демаскировать своих батарей, а подпустить танки поближе и тогда бить наверняка. Впереди показались сельские огороды, над которыми курился легкий утренний туманец. «Сейчас фриц даст прикурить. – Семен сглотнул подтупивший к горлу упругий ком. – Притаились, волки!»

– Сеня, влево давай, – прозвучал в ларингофонах спокойный голос Паршина. – Вон на те кустики целься, там лощина – проскочим!

Верхушев бросил машину влево, и в то же мгновение с противным скрежетом по броне скользнула болванка. «Врешь!» – весело подумал Верхушев, и еще мелькнуло в сознании, что в нынешнем бою он должен уцелеть, и уверенно повел машину сквозь частокол взрывов. «Минометы молотят, – определил, – где-то сволочная батарея маскируется».

Неожиданно лощина сделала крутой изгиб, сразу за которым

открылась низинка, поросшая густым кустарником. На дне лощины подле двух противотанковых пушек сустились расчеты. «Они машину Пронина сожгли, — подумал Верхушев, — ловко притаились, змеи!»

Заметив танк, несколько солдат шарахнулись было в сторону кустов, но из окопчика выскочил молоденький, с осиной талией офицерик. Одну руку он держал на перевязи. Размахивая здоровой рукой, подбежал к солдатам, и они начали разворачивать орудие навстречу машине. Верхушев с пронзительной отчетливостью видел, как, описывая медленную дугу, ствол ползет в их сторону. Рокот двигателя, толчки на неровностях — все исчезло. Во всем мире осталось только зеленое жало пушечного ствола. Вся прежняя жизнь Семена, со всеми своими радостями и невзгодами, пронеслось перед ним. И вдруг он увидел себя среди разнотравья большого луга. Вдвоем с матерью они возвращаются из соседнего села, где были в гостях, и шестилетний Семен хнычет от усталости... «Да стреляйте же, стреляйте!» — мысленно торопил он своих ребят. В то же время Верхушев понимал, что своим замешательством немцы упустили нужное время и сейчас яростно налегали на сошники. И в этой нечеловеческой ярости чувствовалась обреченность. Когда наконец пушку повернули и расчет присел за невысоким щитком, готовясь к выстрелу, танк вздрогнул. Перед ним взвихрилась пыль, и взрыв танкового снаряда серым столбом вырос перед пушкой. Второй и третий снаряды легли рядом.

— Ловко сработали! — крикнул Верхушев. Одна пушка лежала вверх колесами. Перед танком возникла фигура офицера с побелевшими от ужаса глазами. «Молокосос», — подумал Верхушев. Под гусеницами заскрежетало железо. Солдат без мундира вскинул автомат. По броне крупным градом забарабанили пули. Гончаренко повел пулеметом, и немец ткнулся в жесткую траву.

Покончив с пушками, они вброд перескочили небольшую речушку, на сельском кладбище раздавили бивший из-за каменного надгробья ручной пулемет. Правда, пулеметчики успели скрыться в густом бурьяне. Танк двинулся к южной околице села. Едва миновали первые дворики — сильный удар потряс машину, белая вспышка осветила внутренность. «Все, амба!» — успел подумать Верхушев. Больше он ничего не помнил.

Очнулся Семен от прикосновения к щеке чего-то прохладного. Вначале ему показалось, что по лицу ползет улитка. Поморщился и с трудом открыл тяжелые веки. Он лежал в тени ветхого половня, и лист мать-мачехи касался щеки. Хотел встать, но перед глазами покатались огненные колеса, и он бессильно упал. В голове стоял сплошной гул, тело наполняла тупая боль. Ощущение было такое, словно его посадили в брезентовый мешок и долго колотили цепами, хотя подобного с ним отродясь не случилось.

– Лежи, брат, тебе покой нужен, – услышал он прерывающийся шепот. Повернул голову и – глазам не поверил: рядом лежал Паршин. Сквозь обгорелый комбинезон проглядывало тело. Павел попытался улыбнуться. На черном, без ресниц и бровей, лице виднелись две щелочки глаз.

– Ты, оказывается, тяжелый... Пока дотащил... – Он хотел вытереть лицо, но поморщился от боли: кожа на руках висела клочьями. – В случае чего... матери передашь... Юркова нет – сторел, Гончаренко – тоже... Какие ребята... Тебе в госпиталь... Обязательно в госпиталь... Здорово мы пушки... Останешься живым – довоюй за нас... дави, стреляй эту погань... – И только сейчас до Верхушева дошел весь смысл происшедшего: полуживой, обгоревший Паршин тащил его вот сюда, в безопасное место. В горле запершило, хотел пожать командиру руку, но вместо этого лишь тронул за плечо.

– Спасибо, Паша, – прохрипел он, – век тебя помнить буду! А с врагом вместе рассчитывать будем! Подлечимся, новую машину получим и двинем в самый Берлин! – Паршин ничего не ответил, он тяжело с надрывом дышал.

Позднее, в госпитале, Верхушев узнал, что младший лейтенант Павел Сергеевич Паршин, рождения 1924 года, умер от ран. И еще узнал, что день, когда подбили их танк, войдет в историю как Прохоровское танковое сражение.